

СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ

ПРЕПОДОБНЫЙ
ЕФРЕМ
СИРИН

— — — — —
Покаяние

преподобный Ефрем Сирин

Собрание творений. Покаяние

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21587343

Собрание творений. Покаяние: Сибирская Благовонница; Москва; 2016

ISBN 978-5-906853-33-2

Аннотация

«Столп Церкви, великий отец и вселенский учитель, пророк сирийский, солнце сирийское, духовный философ и глубокий ученый, витийственные уста и цитра Святого Духа» – так возвышенно отзывается о святом преподобном Ефреме Сирине его современник, святитель Григорий Нисский. В чтении его творений с древности и до наших дней православные люди, стремящиеся к духовному преуспеянию, находили и находят обильный источник назидания. В эту книгу вошли слова преподобного Ефрема, проникнутые покаянным настроением и сокрушением, за которые его по праву называют учителем покаяния.

Содержание

Обличение самому себе и исповедь	5
Слово умиленное	13
Обличение себе самому и исповедь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	62

преподобный Ефрем Сирин
Собрание творений.
Покаяние

© Издательство «Сибирская Благовонница», оформление, 2016

Обличение самому себе и исповедь

Будьте, по сэрдоболию своему, сострадательны ко мне, братия. Ибо не напрасно сказало Божественное Писание: *Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основаное царство* (Притч. 18, 19). И еще говорит: *Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться* (Иак. 5, 16). Итак, избранники Божии, склонитесь на воззвание человека, который обещал благоугождать Богу и солгал Сотворившему его; склонитесь, чтобы ваших ради молитв избавиться мне от обладающих мною грехов и, соделавшись здоровым, восстать с одра тлетворного греха, потому что еще с детства стал я сосудом непотребным и нечистым. И теперь, когда слышу о Суде, не обращаю на это внимания, как будто стою выше падений и обвинений. Других увещаваю удерживаться от вредного, а сам в двойной мере делаю это.

Увы мне, какому подпал я осуждению! Увы мне, в каком я стыде! Увы мне! Сокровенное мое не таково, как видимое. Поэтому, если не воссияют для меня вскоре щедроты Божии, то нет у меня никакой надежды спастись делами. Ибо говорю о чистоте, а думаю о непотребстве, веду речь о бесстрастии, а помышление у меня и день и ночь о бесчестных страстях. Какое же буду иметь оправдание? Увы мне, какое готовится мне истязание! Подлинно, у меня только образ благочестия,

а не сила его. С каким же лицом прииду ко Господу Богу, Который знает сокровенности сердца моего? Подлежа ответственности за столько худых дел, когда и на молитве стою, боюсь, чтобы не сошел с неба огонь и не потребил меня. Ибо если в пустыне тех, кто принес *огонь чуждый*, попалил исшедший *огонь от Господа* (Лев. 10, 1–2), то чего буду ожидать себе я, на котором лежит такое бремя прегрешений?

Итак, что же? Отчаиваться ли мне в своем спасении? Нисколько. Ибо этого только и домогается противник. Как скоро доводит он кого до отчаяния, тотчас низлагает его. А я не отчаиваюсь в себе, но твердо полагаюсь на Божии щедроты и на ваши молитвы. Поэтому не переставайте умолять Человеколюбца Бога, чтобы сердце мое освободилось от рабства бесчестным страстям.

Ожестело сердце мое, изменился рассудок мой, омрачился ум мой. Как пес, возвращаюсь *на свою блевотину* (2 Пет. 2, 22). Нет у меня чистого покаяния, нет у меня слез во время молитвы, хотя я и воздыхаю, прохлаждаю свое престоженное лицо, ударяю себя в грудь, это жилище страстей.

Слава Тебе, Снисходительный! Слава Тебе, Долготерпеливый! Слава Тебе, Незлобивый! Слава Тебе, Благий! Слава Тебе, Единый Премудрый! Слава Тебе, Благодетель душ и телес! Слава Тебе, Который *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Слава Тебе, Который питает все народы и весь человеческий род, как единого человека!

Слава Тебе, Который питает птиц небесных, и зверей, и гадов, и животных, живущих в воде, как и малоценного воробья! *Все они от Тебя ожидают, чтобы Ты дал им пищу их в свое время* (Пс. 103, 27).

Велико владычество Твое, и щедроты Твои *на всех делах* Твоих, Господи! (Пс. 144, 9). Потому умоляю Тебя, Господи, не отринь меня с теми, которые говорят Тебе: «Господи, Господи», и не творят волю Твою (см.: Мф. 7, 21). Умоляю Тебя молитвами всех благоугодивших перед Тобою, ибо известна Тебе кроющаяся во мне страсть, Ты знаешь язвы души моей. *Исцели меня, Господи, и исцелен буду* (Иер. 17, 14).

Потрудитесь со мной, братья, в молитвах. Просите щедрот у благодати Его. Усладите душу, которую грехи соделали горькой. Как розги истинной виноградной Лозы, из Источника жизни напоите жаждущего вы, сподобившиеся стать Его служителями. Просветите сердце мое вы, соделавшиеся сынами света. На путь жизни наставьте меня, заблудившегося, вы, всегда пребывавшие на этом пути. Введите меня в царские врата; как владыка вводит собственного раба своего, введите вы, соделавшиеся наследниками Царствия, потому что рвется туда сердце мое. По вашему прошению да предварят меня щедроты Божии, пока не повлечен я вместе с делающими беззаконие. Там обнаружится и что сделано во тьме, и что сделано явно.

Какой стыд обымет меня, когда говорящие теперь, что я неукоризнен, увидят меня осужденным! Оставив духовное

делание, покорился я страстям. Учиться не хочу, а учить рад. Подчиняться не хочу, а люблю, чтобы подчинялись мне. Трудиться не хочу, а люблю утруждать других. За делом быть не люблю, а люблю присматривать за чужими делами. Не хочу оказывать честь, а люблю, чтобы чествовали меня. Не хочу, чтобы упрекали меня, а люблю упрекать. Не хочу, чтобы унижали меня, а люблю унижать. Не хочу, чтобы гордились, а люблю гордиться. Не хочу, чтобы уличали меня, а люблю уличать. Не хочу миловать, а ищу помилования. Не хочу слушать выговоров, а люблю делать их. Не хочу, чтобы обижали меня, а люблю обижать. Не хочу, чтобы делали вред мне, а стараюсь вредить. Не хочу, чтобы наговаривали на меня, а люблю наговаривать. Не хочу слушать, а помогаю, чтобы слушали меня. Не хочу, чтобы властвовали надо мной, а люблю властвовать. Мудр я на то, чтобы давать советы, а не на то, чтобы самому исполнять. Что делать должно, то говорю, а чего не должно делать, то делаю.

Кто не будет плакать обо мне? Плачьте, святые и праведные, плачьте обо мне, зачатом в беззакониях. Плачьте, возлюбившие свет и возненавидевшие тьму, плачьте обо мне, возлюбившем дела тьмы, а не света. Плачьте, благоискусные, плачьте обо мне, ни для чего не годном. Плачьте, милостивые и чувствительные, плачьте обо мне, помилованном и преогорчившем. Плачьте вы, которые стали выше всякого порицания, плачьте обо мне, погрязшем в беззакониях. Плачьте, возлюбившие доброе и возненавидевшие лукавое,

плачьте обо мне, возлюбившем лукавое и возненавидевшем доброе. Плачьте вы, стяжавшие доблестную жизнь, плачьте обо мне, который по наружности только оставил мир. Плачьте, угодившие Богу, плачьте обо мне, человекоугоднике. Плачьте вы, стяжавшие совершенную любовь, плачьте обо мне, который на словах любит, а на деле ненавидит ближнего. Плачьте вы, заботящиеся о себе самих, плачьте обо мне, который занимается чужими делами. Плачьте вы, приобретшие терпение и плодоносящие Богу, плачьте обо мне, нетерпеливом и бесплодном. Плачьте вы, возлюбившие вразумление и учение, плачьте обо мне, невежде и человеку бесполезном. Плачьте вы, непостыдно приходящие к Богу, плачьте обо мне, который недостойн возвести взор и видеть высоту небесную.

Плачьте вы, приобретшие кротость Моисееву, плачьте обо мне, погубившем ее добровольно. Плачьте вы, приобретшие целомудрие Иосифово, плачьте обо мне, предателе целомудрия. Плачьте вы, возлюбившие воздержание Даниилово, плачьте обо мне, лишившемся его добровольно. Плачьте вы, приобретшие терпение Иова, плачьте обо мне, который стал чужд терпения. Плачьте вы, приобретшие апостольскую нестяжательность, плачьте обо мне, который далек от нее.

Плачьте, верные и постоянные в сердце своем перед Господом, плачьте обо мне, двоедушном, боязливом и ни к чему не годном. Плачьте, возлюбившие плач и возненавидевшие смех, плачьте обо мне, возлюбившем смех и возненавидев-

шем плач. Плачьте вы, сохранившие Божий храм неоскверненным, плачьте обо мне, который осквернил и сделал его нечистым. Плачьте вы, памятующие о разлучении и о неизбежном пути, плачьте обо мне, беспамятном и неготовом к этому путешествию. Плачьте вы, не оставляющие мысли о Суде по смерти, плачьте обо мне, который утверждает, что помнит об этом, а делает противное этому. Плачьте, наследники Небесного Царства, плачьте обо мне, достойном геены огненной. Горе мне! Потому что грех не оставил у меня ни члена здорового, ни чувства, которого бы не растлил. Конец при дверях, братия, и это не заботит меня!

Вот открыл я вам язвы души своей. Итак, не пренебрегайте мною, смущенным, но умоляйте Врача о недужном, Пастыря – об овце, Царя – о пленнике, Жизнь – о мертвеце, умоляйте, чтобы о Христе Иисусе, Господе нашем, получить мне спасение от овладевших мною грехов и чтобы послал Он благодать Свою и укрепил поползновенную душу мою. Ибо готовлюсь я к противоборству со страстями, но прежде, нежели вступаю с ними в борьбу, злохитрность змия расслабляет крепость души моей сластолюбием и делаюсь я пленником страстей. Еще стараюсь из пламени исхитить сгорающего в нем, и запах огня влечет меня, по молодости моей, к огню. Еще стремлюсь спасти утопающего и по неопытности вместе с ним утопаю. Желая стать врачом страстей, сам остаюсь в их власти и вместо врачевания наношу раны страждущему. Сам слепец, а покушаюсь водить слепцов. Поэтому

имею нужду во многих о себе молитвах, чтобы узнать мне меру свою и чтобы благодать Божия приосенила меня и просветила омраченное сердце мое, и вместо неведения вселила в меня Божественное ведение, *ибо у Бога не останется бесильным никакое слово* (Лк. 1, 37).

Он непроходимое море для народа Своего соделал проходимым. Он одождил манну и перепелов с моря, *как песок морской* (Пс. 77, 27). Он из утесистого камня даровал воду жаждущим. Он один, по благности Своей, спас впадшего в руки разбойникам. Да подвигнется на милосердие благодать Его ко мне, впадшему во грехи и связанному безумием, как узами. Нет у меня дерзновения перед Испытующим сердца и утробы. Никто не может уврачевать болезнь мою, кроме Него Самого, ведающего глубины сердечные.

Сколько раз полагал я в себе пределы и строил стены между собой и между беззаконным грехом и теми противниками, которые выходили со мной на брань! Мысль моя преступала пределы и подрывала стены, потому что пределы не были обезопасены страхом Всесовершенного и стены не были основаны на искреннем покаянии.

Поэтому и теперь ударяю в дверь, чтобы отверзлась она для меня; не перестаю просить, чтобы получить просимое; как бесстыдный, домогаюсь себе помилования, Господи. Ты даруешь мне блага, Спаситель, а я воздаю за них лукавством. Будь долготерпелив ко мне, развращенному. Не об извинении за праздные слова умоляю Твою благодать, но прошу у

нее прощения за нечестивые дела. Пока не постиг меня конец, освободи меня, Господи, от всякого лукавого дела, чтобы обрести мне благодать перед Тобой в час смертный, ибо *во гробе кто будет славить Тебя?* (Пс. 6, 6). Спаси душу мою, Господи, от будущего страха и по щедротам и по благодати Твоей убели оскверненную мою ризу, чтобы и я, недостойный, облекшись в светлую ризу, сподобился Небесного Царства и, достигнув нечаемой радости, сказал: «Слава Избавившему сокрушенную душу от уст львовых и Поставившему ее в раю сладости!» Потому что Тебе, Всесвятому Богу, подобает слава во веки веков. Аминь.

Слово умиленное

Приидите, возлюбленные, приидите, отцы и братия мои, избранное стадо Отца, запечатленные воины Христовы. Приидите, дети, выслушайте слово спасительное для душ ваших. Приидите, займемся куплей, пока еще день купли. Приидите, приобретем вечную жизнь, купим спасение душ своих. Наполните глаза свои слезами, и вскоре отверзутся очи ума вашего. Приидите все единодушно: богатые и бедные, начальники и подчиненные, старцы и юные, сыны и дочери и всякий возраст – все, желающие избавиться от вечного наказания и стать наследниками Небесного Царствия.

Вместе со святым Давидом воззовем к Милостивому и Человеколюбивому Господу, говоря: *Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего* (Пс. 118, 18). *Просвети очи мои, да не усну я сном смертным* (Пс. 12, 4). Возопием, как возопил слепец: *Иисус, сын Давидов! помилуй меня* (Мк. 10, 47). И если иные будут останавливать нас или требовать, чтобы мы умолкли, сильнее возопием и неутомимо будем вопиять, пока не отверзет очи сердец наших Светодавец Иисус. Приступите ко Христу, *приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся* (Пс. 33, 6). Возьмемся за прекрасную мысль, возжелаем себе Царства и рая, и вскоре станете вы пренебрегать делами века сего. Подвизайтесь в этот одиннадцатый час (см.: Мф. 20, 9), спешите, чтобы не остаться вне

затворенных дверей! Вечер близко, и Мздовоздатель идет с великой славой воздать каждому по делам его. Покаемся, братия, пока есть время!

Послушайте, что говорит Господь: *Бывает радость у ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 10). Для чего предаешься нерадению, грешник? Для чего отчаиваешься? Если на небе бывает радость, когда каешься, то чего тебе страшиться? Ангелы радуются, а ты предаешься нерадению? Архангел – проповедник покаяния, а ты будешь бояться? Пречистая и Нераздельная Достопокляемая Троица призывает тебя, а ты воздыхаешь?

Да не будет для нас сладостным мирское попечение, чтобы не испытать нам горечи вечного огня и червя неусыпающего! Поэтому поплачем немного здесь, чтобы не плакать там, мучаясь вечно. Смотрите, никто да не будет нерадив, потому что пришествие Христово внезапно, как страшная молния. Ужели не страшитесь этого? В тот час каждый воспримет по делам своим, каждый понесет свое бремя, каждый пожнет, что посеял. Все непокровенными предстанем Судилищу Христову, и каждый из нас даст Судии ответ за себя. В тот час никто никому не в состоянии будет помочь: ни брат брату, ни родители детям, ни дети родителям, ни друзья друзьям, ни муж супруге, но каждый со страхом и трепетом будет стоять в ожидании, чтобы услышать Божий приговор.

Для чего остаемся нерадивыми и не приходим в себя? Для чего оставляем в пренебрежении Святые Писания и слова

Христовы? Или думаете, что Христово слово и слова Христовых апостолов и пророков не осудят нас в тот день на Страшном Суде, если не соблюдем и не сотворим, что повелевают они нам? Послушайте, что говорит Господь ученикам: *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается* и Отца Моего (Лк. 10, 16). И в другом месте говорит еще: *Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день... Я не сужу его* (Ин. 12, 48, 47). Какое же слово будет судить нас в последний день? Святое Евангелие и прочие Святые Писания святых пророков и апостолов. Поэтому, братья, умоляю вас, не будем оставлять в пренебрежении написанного, ибо *небо и земля прейдут, но слова Христовы не пройдут* (Мф. 24, 35).

Придите же, возлюбленные, и, пока не наступил тот Страшный День, ввергнем себя в море щедрот Божиих! Сам Бог увещевает и приглашает всех, говоря: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28). Всех приглашает Человеколюбивый и Незлобивый, Сострадательный и Долготерпеливый, Который хочет, чтобы спаслись все люди. Не Своих только увещевает и призывает, но всех зовет: «Приходите ко Мне все, богат ли кто или беден, потому что *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37). Кто же этот грядущий ко Мне? Тот, кто имеет у себя заповеди Мои и соблюдает их, кто слушает слово Мое и верует в Пославшего Меня». Блажен, кто слушает и соблюдает

слово Его, и жалок, кто не повинуется, потому что это слово *будет судить его в последний день* (Ин. 12, 48), по написанному: *Страшно впасть в руки Бога живаго!* (Евр. 10, 31).

Покайся, брат, и не приходи в робость! Покайся, грешник, смело полагаясь и взирая на безмерное человеколюбие Христа, сказавшего: *Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13). Покайся, чтобы не стыдиться на Страшном Суде, где со страхом будут предстоять тысячи тысяч ангелов и архангелов, когда тайное делается явным и раскроются книги дел, когда отлучены будут одни от других, как овцы от козлищ.

Подлинно страшный и ужасный час, потому что укоряет Страшный, Правдивый Судия. Кто не убоится того часа? Кто не придет в робость? И Судия силен, и Судилище неумолимо, и дела наши стоят перед глазами, и огненная река перед Судилищем, и неумолчна песнь праведников и ангелов, и нестерпимо рыдание, и бесполезны слезы грешников. Тогда открыты будут сокровища, и праведники получают их. И блаженны алкавшие и томившиеся жаждой, потому что там насытятся, но горе насыщенным, потому что там будут алкать и жаждать. Блаженны плакавшие и рыдавшие, потому что там воссмеются и утешатся, но горе смеющимся ныне, потому что там непрестанно будут плакать и рыдать. Блаженны миловавшие, потому что там будут помилованы. Слышали вы, как ублажаются подвизающиеся и сколь злосчастными признаны нерадивые.

Размысли обо всем этом и поспеши спастись. Не смотри на нерадивых и роскошествующих, *ибо они, как трава, скоро... увянут* (Пс. 36, 2). Не возлюби века сего, потому что делает он записание любящим его и на час услаждает, в тот же век отпускает обнаженными. Слушай Святые Писания и внимай им – и не впадешь в обман, и не сделает тебе записания этот суетный и лукавый мир. Послушай, что говорит Иоанн Богослов: *Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и мирское обольщение... И мир проходит... а исполняющий волю Божию пребывает вовек* (1 Ин. 2, 15–17). Послушай, что говорит Господь: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26). Тщательно, со страхом внимайте слову Его, потому что *слово, которое Он говорил и которым учил, оно будет судить нас в последний день* (Ин. 12, 48).

Не лжив Господь, – да не будет сего! – ибо Он есть истина. И если вполне знаешь, что Он есть истина и что слова Его не лживы, то почему же остаешься в нерадении, несчастный? Чего ждешь? Что у тебя в мыслях? Кто будет отвечать за тебя? Разве не знаешь, что всякий сам за себя даст ответ Богу? Разве не знаешь, что каждый пожнет, что посеял, и что каждый понесет собственное свое бремя?

Пока есть еще время, расточи бремя грехов своих! Тебя призывает Человеколюбивый Бог, говоря: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные* (Мф. 11, 28). Всех уве-

щеваает Он, никто не отчаивайся, никто не смей говорить: «Я не грешил». Кто говорит, что не согрешил, тот слеп, ходит ошупью и злосчастнее всех людей. Ибо евангелист Иоанн говорит: *Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас... и представляем Бога лживым* (1 Ин. 1, 8, 10). Потому что *кто рождается чистым от нечистого* (Иов. 14, 4).

Итак, что же? Не слезы ли нужны нам, чтобы омыть скверну, воспевая со святым Давидом: *Омой меня, и буду белее снега* (Пс. 50, 9); и еще: *Каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою* (Пс. 6, 7). В одну ночь согрешил он, а плакал каждую ночь, поэтому и стал блаженным. Ибо пророк этот ясно предузрел Сказавшего: *Блаженны плачущие* (Мф. 5, 4).

Поэтому не плачь ни о чем преходящем в веке сем, не услаждайся приятностями житейскими, не желай себе богатства мира сего, с отвращением смотри на мягкие одежды и нарядные убранства, с отвращением смотри на пестроту красок, на сурмление бровей, на прикрасы и пышность, на бесовские их песни, на гусли, свирели и рукоплескания, на бесчинные и неблагоприличные взывания. Не знаешь разве, несчастный, что все это дьявольский посев? Все это делают язычники, у которых нет надежды спасения. А мы не будем уподобляться язычникам, у которых нет надежды спасения, чтобы не подпасть одному с ними осуждению. Послушайте апостола, который говорит: *Посему я говорю и заклинаю Гос-*

подом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме (Еф. 4, 17–18). Поэтому, оставив дела языческие, не станем опять возвращаться назад и делать то же самое.

Однажды навсегда отрекся ты от сатаны и от ангелов его и при многих свидетелях вступил в завет со Христом. Смотри же, с Кем вступил в завет, и не пренебрегай этим! Знай, что в тот же час ангелы записали слова твои – и завет твой, и отречение твое и хранят это на небесах до страшного дня Судного. Ужели же не устрашает тебя это и не приводит в ужас? В день Суда ангелы принесут рукописание твое и слова уст твоих на Страшное Судилище, которому и ангелы предстоят с трепетом. И тогда услышишь неприятное для тебя слово: *Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!* (Лк. 19, 22). Действительно, горько тогда вздохнешь и восплачешь в тот час, но это не принесет тебе пользы!

Будь же милостив к себе самому и не питай ненависти в душе своей. Открой глаза свои и посмотри на многих, как они подвизаются, как стараются спастись, сколько употребляют усилий на всякое доброе дело, как оберегают себя от зависти, от злоречия, от ненависти, от смеха, от блуда, от роскоши, от ссоры и от всякого иного худого дела, как возлюбили путь узкий и тесный, постятся, бодрствуют, злостраждут и плачут, как уготовили светлые светильники свои, как уста их воспевают и славят всегда Бессмертного Жениха, а очи их всегда видят красоту Его и душа их веселится.

Подумай и смотри: Жених уже приближается и не замедлит. Он идет обрадовать любящих Его, идет призвать плакавших и рыдавших не ради мертвеца, не ради временной потери имений, но чтобы мы свергли с себя *запинающий нас грех* (Евр. 12, 1), ради Царствия, которому не будет конца, и ради блаженного наслаждения раем, из которого мы были изгнаны, когда преступили заповедь Божию, и в который опять возвращаются плачущие и рыдающие. Он идет увенчать подвизавшихся законно и возлюбивших узкий и тесный путь. Идет помиловать милостивых. Идет соделать блаженными обнищавших ради Него. Идет исполнить благами алкавших и жаждавших ради Него. Идет осветить *скрытое во мраке* и обнаружить *сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). И почему не сказать короче? Идет воздать *каждому по делам его* (Рим. 2, 6). Идет уже не с земли, как прежде, но с небес с *силою и славою великою* (Мф. 24, 30).

Тогда вострубят трубы с небес *и силы небесные поколеблются* (Мф. 24, 29), вся земля, как вода в море, восколеблется от славы Его, потечет перед Ним река огненная, очищая землю от беззаконий. Потом вдруг вопль: *Се, Жених идет* (Мф. 25, 6). Вот идет ожидаемая Радость; вот идет Похвала праведных, Солнце правды; вот идет Царь царствующих, Царствию Которого не будет конца! Вот идет Судия Праведный! *Вот, Жених идет, выходите навстречу Ему* (Мф. 25, 6)!

Тогда с радостью придут те, у кого есть светло горящие

светильники и чистая одежда, и они услышат глас Жениха, Который скажет им: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). И у кого светильники горят светло, те, без сомнения, при этом вопле пойдут во сретение весело, с великим дерзновением, радуясь и надеясь, что светильники их не угаснут. А ты, увидев тогда себя в великой скорби, в ужасном несчастье, в нестерпимой нужде и примечая, что светильник твой угас, со стыдом скажешь: «Братия мои, ссудите мне немного елея, потому что светильник мой угас». И скажут тебе в ответ: *Чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе* (Мф. 25, 9). И пойдешь от них со скорбью, с болезнью, с воздыханиями, горько плача и не находя, где купить, потому что купля жизни кончена и вся жизнь колеблется, как вода в море. Не стало уже тех нищих, которые сидели у дверей церковных и продавали там елей!

Итак, приведенный в крайнее затруднение и совершенно не видя себе помощи, плача и сетуя, скажешь: «Пойду, ударю в двери Христова милосердия. Кто знает, может быть, Христос и отворит мне их?» Идешь, ударяешь, и Жених отвечает тебе изнутри: *«Истинно говорю... не знаю тебя* (Мф. 25, 12). Отойди от Меня, делатель беззакония. Ты не миловал – и не будешь помилован. Ты не внимал голосу нищего – и Я не внимаю твоему голосу. Ты слышал Святые Мои Писания и смеялся над ними, поэтому не позволяю тебе войти.

Ты не принял Моих пророков и апостолов, поэтому *слово, которое Я говорил, оно будет судить* тебя в этот *последний день* (Ин. 12, 48). Отойди от Меня, узкие врата не приемлют тебя: ты питал плоть свою и убивал душу свою, как же хочешь войти сюда и осквернить Царство Мое? Ты запятнал одежду плоти своей, наполнил уста свои злословием, ненавидел ближнего своего, выполнял волю диавола и отвергал Мою волю – как же теперь просишь позволения войти туда, куда ничего не предпослал, где ничего тобой не запасено: ни слез, ни плача, ни поста, ни бдения, ни псалмопения, ни девства, ни терпения, ни милостыни? Ничего такого не предпослал ты сюда, – чего же здесь ищешь? Обитель эту населяют обнищавшие ради Меня. Это – Царство милостивых, это – веселие плакавших, это – радость кающихся и рыдавших и оплакивавших грехи свои, это – покой бодрствующих и постившихся, это – жизнь вдов и сирот. Здесь алкавшие и жаждавшие возвеселятся во веки – ты же *получил уже доброе твое в жизни твоей* (Лк. 16, 25). *Иди от Меня... в огонь вечный* (Мф. 25, 41)».

Слушая это, ты будешь стоять пристыженный. И в то же время дойдет до ушей твоих глас веселия и радости, и ты узнаешь голос каждого из друзей своих и горько вздохнешь тогда, говоря: «Увы мне, несчастному! Как я лишился этой славы и разлучен стал с ними за лукавые и негодные дела свои? Действительно справедлив Суд Божий! Действительно пострадал я справедливо! Они жили воздержно, а я гонялся

за обедами и ужинами. Они воспевали псалмы, а я молчал. Они молились, а я парил умом. Они смиряли себя, а я предавался гордости. Они не занимались собой, а я собой любовался. Они плакали, а я смеялся. Поэтому они теперь радуются – а я сетую, они веселятся – а я плачу, они будут царствовать со Христом в бесконечные веки – а я с антихристом ввергаюсь в огонь вечный. Увы мне, злосчастному! Что со мной стало? Сколько благ утратил я для того, чтобы некоторое время исполнять мне волю диавола! Теперь узнал я, что каждый приемлет по делам своим! Теперь узнал я, что насмеялся надо мной и запнул меня суетный мир! О, скольких благ лишил я сам себя! О, какому подвергся я стыду! О, сколькими бедствиями обременил я себя!»

Это и подобное этому будешь говорить, терзаясь, и никакой не получишь от этого пользы, потому что там нет пользы и в покаянии. Потому-то Божественные Писания апостолов и пророков возвещают и свидетельствуют нам, что благ, которые *приготовил Бог любящим Его... не видел... глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* грешнику (1 Кор. 2, 9). Слышал ты еще, что говорил Господь: *И не убойтесь убивающих тело* (Мф. 10, 28). И еще в другом месте: *Блаженны изгнанные ради Меня* (Мф. 5, 10). Потому и апостол говорит: *Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6, 7–8). Ибо *сеявшие со слезами будут*

пожинать с радостью (Пс. 125, 5).

Будьте внимательны с этого времени, братья мои, и помните написанное: *Вышел сеятель сеять семя свое* (Лк. 8, 5). Кто же Исшедший и Сеющий? Добрый Домовладыка, Господь наш Иисус Христос. Что же Он сеет? Евангельское слово, святые Свои заповеди. Где же Он сеет, на какой земле? На сердцах человеческих, во всех концах мира. Но не все повинуются Евангелию, не все возделывают ниву, чтобы падшее на нее семя Господне принесло плод. Напротив, оставаясь невозделанными, заросшими тернием, находясь в оболщении, принимают слово, *но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода* (Лк. 8, 14).

Вы же, возлюбленные, уготовьте сердца свои к принятию Евангелия, и да не подавляет ума вашего многое попечение о житейском. Будем заботиться о необходимом, а не о роскоши! Если станете держаться умеренности, то будете иметь покой. А если погонитесь за роскошью и за тем, чтобы иметь у себя больше, чем у других, то труда много, путь ненадежен, скорбь неутолима и жизнь многопопечительна.

Одно только нужно (Лк. 10, 42), братья Мои, – говорит Господь. Все остальное должно делать отчасти, по телесной потребности, а это – непрестанно, для спасения души своей, потому что душа выше всего. Для души, братья, будем подвизаться, и заботиться, и готовиться каждый день! Не будем тратить всего своего времени на попечение о теле! Но когда

тело взалчет и потребует пищи, тогда приведи себе на мысль, что и душа требует удовлетворения собственных ее нужд. И как тело не может жить, если не вкусит хлеба, так и душа мертва, если не приобщится духовной мудрости.

Человек состоит из двух частей: души и тела. И потому Спаситель сказал: *Не хлебом одним будет жить человек* (Мф. 4, 4). И ты, как хороший приставник дома, душе давай душевные снеди, а телу – телесные, и не одно тело свое питай, оставляя душу свою нуждающейся во всем и голодной. Не дай душе умереть, но питай ее словом Божиим, псалмами, пениями и песнями духовными, чтением Божественных Писаний, постом, бдением, молитвами, слезами, надеждой, помышлениями о будущих благах. Все это и подобное этому есть пища и жизнь для души.

Смотрите, братья, чтобы кому из вас не оказаться бесплодным. *Сеющий в плоть свою* мирское наслаждение, роскошь, ужины и обеды, тот *от плоти пожнет тление*, а *сеющий в дух* молитву, пост, бдение, тот *от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6, 8). Рассудите и посмотрите, что нигде не восхваляются роскошные, и рассеянные, и смеющиеся. Ибо это делают язычники, а наш закон таков: Блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны милостивые, блаженны изгнанные, блаженны поносимые, блаженны чистые сердцем (см.: Мф. 5, 3–10), блаженны воздержные, блаженны сохранившие в чистоте крещение, блаженны для Христа отрехшиеся от этого мира, блаженны тела девственников, бла-

женны имеющие жен, которые живут, как не имеющие (1 Кор. 7, 29), блаженны бодрствующие и молящиеся, блаженны предусматривающие Грядущего судить живых и мертвых, блаженны плачущие в молитве. Таковы уроки Божественного Писания православных!

Какое же Писание ублажает играющих на свирелях и гуслях, или смеющихся, или роскошествующих, или упивающихся и пляшущих, любящих мир, и *все, что в мире* (1 Ин. 2, 16)? Не такие советы дает закон наш, не тому учил Господь наш – напротив, угрожает Он за это горем, говоря: «Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете! Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете! Горе вам, богатые» (см.: Лк. 6, 24–25). И через пророка еще говорит: *Горе тем, которые зло называют добром и добро – злом... горькое почитают сладким и сладкое – горьким... которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного!* (Ис. 5, 20, 23). *Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином; и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пириествах их; а на дела Господа они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют* (Ис. 5, 11–12). Таковы и подобны этим дела людей миролюбивых и плотолюбивых, а не христоролюбивых.

Но хочешь ли немного послушать о христоролюбцах, которые идут узким путем? Слушай, что говорит апостол: *Во всем являем себя, как слугители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под уда-*

рами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах и так далее (2 Кор. 6, 4–5). И еще Господь говорит: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26, 41).

Итак, что же? Сотворите должное, братья мои. Вот слышали вы, как ублажаются идущие узким путем и какое горе предсказано вступившим на путь широкий и пространный. Оставим путь широкий, ведущий в пагубу, потрудимся малое время, чтобы царствовать в бесконечные веки, потрудимся, всегда имея перед очами Грядущего судить живых и мертвых, непрестанно содержа в памяти вечную жизнь, бессмертное Царство, ликостояние с ангелами, пребывание со Христом.

Размысли, что жизнь ничего не имеет в себе, кроме слез, укоризн, злословия, лености, трудов, болезней, старости, греха и смерти, – и не возлюбишь мира. Смотри, чтобы этот мир не обольстил тебя своими приятностями, и не запнул, и в век будущий не препроводил от себя обнаженным.

Помни сказавшего: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). Не увеселяйся цветами жизни. Пусть в устах у тебя всегда будет псалом, потому что произносимое имя Божие обращает в бегство бесов. Если и к делу простираешь руки, то пусть язык творит псалом, а ум молится. Сам Господь дает от Себя совет и увещевает здесь еще готовить себя, и если в чем согрешили и преткнулись, уврачуем это слезами, пока есть время на покаяние. Время покаяния коротко, Царствию же

Небесному нет конца.

Мы ублажаем святых и желаем себе их венцов, но не хотим подражать их подвигам. Или думаете, что просто так удостоились они венцов, без трудов и скорбей, чего бы и вам хотелось? Угодно ли тебе услышать, какое упокоение имели в этой жизни святые? *Одни замучены были... другие испытывали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы... умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11, 35–38). Вот, слышали вы малую часть из многого о наслаждении и покое святых в жизни этой и о том, с каким весельем терпели они это, потому что предвидели те блага, которые уготованы на небесах: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9).

Если хочешь избавиться от мучения, то никого никогда не злословь. Горе беззаконному! Когда все просвещаются, он омрачается. Горе хульнику! Язык у него связан, и не в состоянии оправдаться он перед Судией. Горе любостыжательному! Богатство от него бежит, ожидает же его огонь. Горе ленивому! Взыщет он время, которое потратил худо, и, поислав, не найдет. Горе прелюбодею! Оскверняет он брачную одежду и со стыдом изгоняется из царского брачного чертога. Горе злоязычному, а вместе с ним и упивающемуся! Они причисляются к убийцам, их мучают с прелюбодеями. Горе

тому, кто краткое это время проводит в роскоши. Его потребуют, как агнца, на заклание. Горе лицемеру! Пастырь от него отказывается, и волк похищает его.

Блажен, кто идет путем узким: он вводит в небо венценосцев. Блажен, кто имеет высокую жизнь, но смиренный образ мыслей: он подражает Христу и с Ним будет восседать. Блажен, кто благодетельствует многим нищим: он найдет на суде многих защитников. Блажен, кто принуждает себя ко всякому доброму делу, потому что *употребляющие усилие восхищают Царство Небесное* (Мф. 11, 12).

Итак, будем понуждать себя, братия, на всякое дело благое, будем убеждать и увещевать себя самих, будем назидать друг друга, как и всегда вы делаете. Беседа ваша пусть будет о Суде и об оправдании вашем. Дело ли какое делаете, или идете путем, или во время трапезы, или на ложах своих, или чем бы другим ни занимались вы, непрестанно с заботливостью думайте о Суде и о пришествии Праведного Судии, помышляйте в сердцах своих и говорите друг другу: «Какая это крошечная тьма! Какой это неугасимый огонь и неусыпающий червь! Какой это скрежет зубов!»

Об этом беседуйте друг с другом непрестанно, день и ночь: как течет огненная река и очищает землю от беззаконий, какие есть на ней, как свивается небо, *как свиток книжный*, и звезды падают, *как увядший лист со смоковницы* (Ис. 34, 4), как затмеваются солнце и луна, как разверзнутся небеса по повелению Владыки, как, подобно молнии,

сходит с неба Судия, как текут смятенные силы небесные, как уготовляется страшный Престол, как колеблется основание земли, ожидая сошествия Судии, как звучат трубы, как отверзаются гробницы, как потрясаются гробы, как усопшие от века пробуждаются, как бы от сна, как души спешат опять к телам, как святые текут во сретение, как готовые удостоиваются входа, как Жених затворяет двери нерадивым. Прекрасно об этом размышлять, с заботливостью думать об этом день и ночь. Кто всегда помнит о смерти, тот много не согрешит.

Не все время жизни своей будем заботиться о чреве и об одеяниях – так поступают язычники, не имеющие упования жизни вечной. Не будем же уподобляться им, но выслушаем, что говорит Господь: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Будем, братия, искать то Царство, которое не имеет конца, будем искать той радости, которая вводит в бесконечные веки. Будем, возлюбленные, молиться с болезнью сердечной, с воздыханиями и слезами, чтобы не осталось не исполненным нами оное блаженное слово. Прекратим здешнюю роскошь, чтобы там приобрести райское наслаждение. Поплачем недолго здесь, чтобы там воссмеяться. Будем алчущими, чтобы там насытиться. Пойдем узкими вратами и тесным путем, чтобы там шествовать путем широким и пространном!

И еще повторяю: смотрите, чтобы не запнул вас и не посмеялся над вами мир и чтобы в будущий век не препрово-

дил он вас обнаженными и бедствующими, потому что обольщение мира сего многих запнуло, над многими насмеялось, многих ослепило. А мы, братия, будем внимательны к себе самим, послушаем Господа, Который говорит: *Идите за Мною* (Мф. 4, 19), – все оставим и последуем за Ним одним, презрим всякую радость мира сего, потому что издевается он над всеми, любящими его. Постараемся же достигнуть вечной жизни, ангельского ликостояния и пребывания со Христом, потому что Ему слава и держава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Обличение себе самому и исповедь

Во многом, по-видимому, оказывая пользу вам, братия, обязан я позаботиться и о собственной своей душевной пользе, потому что неразумно доставлять пищу другим, а самому терпеть голод, и стыдно поить других, а самому томиться жаждой. Но это самое и будет со мной, если не обличу своей совести, что, как знаю, доставит мне пользу на будущем Суде.

В юности, когда жил я еще в миру, напал на меня враг, и в это время юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни случайно. Как корабль без руля, хотя кормчий и стоит на корме, идет назад или вовсе не трогается с места, а иногда и опрокидывается, если не придет к нему на помощь или ангел, или человек, так было и со мной. Уносимый волнами обольщения, незаметно стремился я к угрожающей опасности.

Что же делает со мной благодать Божия? Она сделала так, что когда странствовал я по внутренней Месопотамии, встретился с пастухом овец. Пастух спрашивает меня: «Куда идешь, молодой человек?» Я отвечаю: «Куда случится». И он говорит мне: «Ступай за мной, потому что день склонился к вечеру». Что же? Я послушался и остался у него. Среди ночи напали волки и растерзали овец, потому что пастух ослабел от вина и уснул. Пришли владельцы стада, возложили вину

на меня и повлекли меня в судилище. Явившись к судье, я оправдывался, рассказывая, как было дело.

Вслед за мной привели человека, пойманного в прелюбодеянии с одной женщиной, которая убежала и скрылась. Судья, отложив исследование дела, нас вместе отослал в тюрьму. В заключении нашли мы одного земледельца, приведенного туда за убийство. Но и приведенный со мной не был прелюбодеем, и земледелец – убийцей, равно как и я – расхитителем овец. Между тем взяты под сохранение, как улики, по делу земледельца – мертвое тело, по моему делу – пастух и по делу прелюбодея – муж виновной женщины, поэтому и их стерегли в другом доме.

Проведя там семь дней, на восьмой вижу во сне, что кто-то говорит мне: «Будь благочестив, и уразумеешь Промысл; перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе познаешь, что эти люди страдают не несправедливо, но не избегнут наказания и виновные».

Итак, пробудившись, я стал размышлять о видении и, отыскивая свой проступок, вспомнил, что однажды, будучи в этом же селении, среди ночи со злым намерением выгнал я на поле из загона корову одного бедного странника. Она обессилела от холода и оттого, что была непраздна, ее настиг там зверь и растерзал. Как только рассказал я заключенным со мной про свой сон и свою вину, как и они, возбужденные моим примером, начали рассказывать: поселянин, – что видел человека, тонувшего в реке, и, хотя мог ему помочь, од-

нако же не помог, а городской житель, — что присоединился к обвинителям одной женщины, оклеветанной в прелюбодеянии. «А она, — говорил он, — была вдова, братья ее, возведя на нее такую вину, лишили ее отцовского наследства, дав из него часть и мне, по условию».

Во время этих рассказов начал я приходить в сокрушение, потому что было в этом некоторое явное воздаяние. И если бы это случилось только со мной, то, может быть, я сказал бы, что все это случилось со мной просто по-человечески. Но нас троих постигла одна и та же участь. И вот, оказалось, что есть некто четвертый, отмститель, который не в родстве с терпящими напрасную обиду и незнаком мне, потому что ни я, ни они никогда не видели его, так как я описал им облик явившегося мне во сне.

Заснув в другой раз, вижу, что тот же говорит мне: «Завтра увидите и тех, из-за кого вы терпите обиду, и освобождение от возведенной на вас клеветы». Пробудившись, я был задумчив. А они говорят мне: «Что ты печален?» Я сказал им причину. Боялся же я того, чем кончится дело, а прежние свои мысли, будто все бывает случайно, оставил. И они также вместе со мной были озабочены. Но когда прошла эта ночь, нас привели к градоначальнику, и вскоре ему представлено было донесение о пяти узниках. Бывшие со мной, приняв много побоев, оставили меня и были отведены в темницу. Потом привели двоих, чтобы над ними первыми произвести суд. Это были братья вдовы, обиженной лишением от-

цовского наследства. Один из них признан виновным в убийстве, другой – в прелюбодеянии. И, признавшись в том, в чем были пойманы, доведены они пытками до признания и в прочих злодеяниях.

Так, убийца признался, что одно время, занимаясь торговлей в городе, вошел он в знакомство и имел бесчестную связь с одной женщиной. (Это была та самая женщина, из-за которой находился в тюрьме один из заключенных со мной.) И на вопрос, как он скрылся, ответил: «Когда подстерегали нас, случилось соседу прелюбодейцы войти к ней другим входом за одной собственной нуждой. Женщина дала ему, чего он попросил, и так как меня она выпустила уже через окно, то как только увидела соседа, стала просить, чтобы он и ее выпустил в то же окно по той причине, что, как говорила она, хотят задержать ее заимодавцы. Когда же намеревался он исполнить это, застигнут был мужем женщины, а мы убежали». Градоначальник спросил: «Где эта женщина?» Он назвал ее местопребывание, и велено было оставить его под стражей до появления женщины.

А другой брат кроме прелюбодеяния, в котором был обвинен, сознался, что учинил и то убийство, за которое содержался со мной поселянин. Он рассказал, что убитый был мужем любимой им женщины. «Когда, – присовокупил он, – вышел он после полуденного времени осмотреть поле, я подошел к нему поздороваться, тут же убил его и убежал. Один человек от великого утомления спал там недалеко; родные

убитого, сбежавшись на известие об убийстве и не зная, что этот поселянин не имел и понятия о случившемся, связали его и отправили в суд». – «Кто же даст на эти слова доказательства?» – «Жена убитого», – отвечал он. Градоначальник спросил: «А где она?» Он сказал ее имя и местопребывание в другом селении, вблизи села той, другой женщины, и тотчас был взят в темницу.

Привели на суд и остальных трех узников. Один обвинялся в том, что выжег поле с хлебом, а прочие – в соумышлении убийств. Получив несколько ударов и ни в чем не сознавшись, они были отведены в тюрьму, потому что судья услышал о назначении ему преемника. А с ними пошел и я, не дождавшись никакого решения по своему делу. Таким образом, все мы находились вместе.

Новоприбывший судья был с моей родины, но я долго ничего не знал о нем, из какого он города и кто такой. В эти дни у меня было много свободного времени, и я свел дружбу с прочими узниками. И так как прежние мои товарищи сделались благодушными и пересказывали прочим о том, что случилось у нас, то все стали ко мне внимательными, как к человеку благочестивому. Услышали и братья той вдовы и удивились, когда узнали про ее защитника. Поэтому все стали просить меня, в надежде, что скажу им что-нибудь благоприятное. Но, проведя там многие дни, я не видел являвшегося мне во сне.

Наконец опять вижу его, и он говорит мне, что и по-

следние трое, виновные в других преступлениях, несут теперь наказание. Я рассказал им об этом, а они сознались в неправде, а именно, что были заодно с похитителем, который убил человека из-за виноградника, смежного с его владением. «Мы, – говорили они, – засвидетельствовали в этом деле, что виноградник принадлежит ему за долг и что не он убил этого человека, а тот сам, упав со скалы, разбился до смерти». Один же из них сказал, что он в гневе ненамеренно толкнул человека с кровли и тот упал и умер. После этого опять вижу во сне говорящего мне: «На следующий день будешь ты освобожден, а прочие подпадут справедливому суду; будь же верующим и возвещай Промысл Божий».

На следующий день судья сел на своем судейском месте и стал допрашивать всех нас и, узнав, до чего прежде было доведено дело, потребовал к себе женщин, которые уже были найдены, и обвинителям представлены были права их. Градоначальник отпустил невинных, каковыми были поселянин и мнимый прелюбодей, а женщин подверг пыткам, желая узнать, не участвовали ли они в другом каком-либо деле.

И оказалось, что одна из них произвела поджог в гневе на того, кто выдал ее прелюбодея, причем один человек, найденный неподалеку от места пожара, который бежал с опустошаемого поля, и был взят как виновный. Оказалось, что это и был один из содержавшихся со мной. Судья, допросив его, нашел дело таким, как оно было рассказано, и освободил его как невинного.

А другая из обвиняемых в прелюбодействе, будучи из того же селения, из которого были заключенные за соумышление в убийстве, призналась, как было дело. «Убитый, – говорила она, – ночевал в моем доме; он был красивый мужчина, я спала с ним; а один из братьев вдовы, и именно мой прелюбодей, застал его у меня, ударил, убил и бросил на перекрестке. Когда же сбежался народ, – продолжала она, – два человека гнались за похитителем их козла; бывшие впереди, увидев их, подумали, что бегут преступники, и, схватив, представили их в суд как виноватых».

Градоначальник спросил: «Как их имена, какого они рода и каковы из себя?» И, собрав о них все подробности, узнал дело в точности и освободил невинных. Их было пятеро: земледелец, мнимый прелюбодей и трое последних. Обоих же братьев и вместе с ними негодных женщин приказал отдать на съедение зверям.

После этого вывели и меня на середину суда. Хотя и сблизала его со мной единоплеменность, однако же он стал осведомляться о деле по порядку и пытался выспросить у меня, как было дело с овцами. Я рассказал правду, как все происходило. Он узнал меня по голосу и по имени, а пастуха приказал высечь для дознания истины, после чего освободил меня от обвинения, по прошествии без малого семидесяти дней. Знакомство же мое с градоначальником происходило оттого, что родители мои жили за городом с воспитавшими этого человека, да и я временами имел у него жительство.

В ту же ночь я увидел во сне прежнего мужа, и он сказал мне: «Возвратись в место свое и покайся в неправде, убедившись, что есть Око, над всем назирающее». И, сделав мне сильные угрозы, он удалился; с тех пор и доныне не видел я его.

И я впал в задумчивость, возвратился домой, много плакал, но не знаю, умилиствовал ли Бога. Поэтому прошу всех потрудиться со мной в молитвах, так как язва моя неисцельна. Не надмеваюсь видениями, но тревожат меня нечестивые помыслы. И фараону являлся ангел, возвестивший будущее, но пророчество не спасло его от изреченного над ним приговора. И Христос пророчествовавшим во имя Его говорит: *Не знаю вас... делатели неправды* (Лк. 13, 27). Знаю, что подлинно видел я и изведаль опытом, но беспокоит меня чрезмерная укоризна моя Богу. Ибо кто говорит, что все само случайно, тот отрицает бытие Божества. Так рассуждал я – и не лгу, каюсь – и не знаю, загладил ли свой грех, проповедовал о Боге – но неизвестно мне, принято ли это от меня, писал о Промысле – но не разумею, угодно ли это Богу¹.

Вижу здания – и заключаю о здателе; вижу мир – и познаю Промысл; вижу, что корабль без кормчего тонет; видел, что дела человеческие ничем не оканчиваются, если Бог не управляет ими. Вижу город и различное устройство гражданских обществ – и познаю, что все держится Божиим распоряжением. От пастыря зависит стадо, а от Бога – все, что

¹ Здесь оканчивается слово в славянском переводе.

возрастает на земле. В воле земледельца отделение пшеницы от терний, – в воле Божией благоразумие живущих на земле во взаимном их единении и единомыслии. В воле царя расположить полки воинов, – в воле Божией определенный устав для всего.

На земле ничего нет не возглавленного, потому что начало всему – Бог. Реки – от источников, а законы – от Божией премудрости. Земля приносит плоды, но, если нет дождя с неба, ничего не может произвести сама от себя. День заключает в себе сущность света, но для совершения своего имеет нужду в солнце. Так и добрые дела производятся людьми, но в совершение приводятся Богом. Солнце имеет в себе свет, но для собственного его упокоения нужно ему небо, – подобно и благочестивые для восстановления своего имеют нужду в Боге. И свет – не без огня, и тьма – не без мрака, потому что все имеет взаимную нужду друг в друге: для одного необходимо другое.

Ни в чем не имеет нужды один Бог. В ряду происходящих существ ничего не бывает само от себя. Вещь не может сама себя сотворить. Кто сам себя творит, тот был прежде, нежели сотворил себя. Как же произошел он впоследствии? Кто был прежде своего происхождения, тому не было нужды делаться тем, чем он уже был. И почему нужно было бы нечто другое к составлению того, что уже было? Итак, один Бог не приведен в бытие, ибо само себя приводящее в бытие само себе противоречит.

Бог не не знает, что Он не приведен в бытие, потому что не был Он, подобно нам, вначале младенцем. Он не в неведении Своей, потому что она не уступлена Ему кем-нибудь. Он знает, что такое Он, и скрывается от всякого человеческого разума, – не по зависти к нам, но щадя нас. Ибо для слуха нашего неуместимо слышать о природе или начале не приведенного в бытие: нам и выразить это невозможно.

Мы не доходим до того, чтобы постигнуть начало Безначального, потому что нет в нас столько разума. Земное глаголет Бог с Синаем, и тысячи истаивали, – что же будет с нами, если возглаголет небесное? С земли глаголет, и тысячи истаивали, – что же будет с нами, если начнет беседовать с нами с неба? Народ просил, чтобы не слышать гласа Божия, и Бог соизволил это.

Моисей умолял, чтобы Бог пребыл с народом, и многие умирали, не вынеся приближения к естеству Божию. И так Бог показал, что, приближаясь к людям, по причине праведности Своей для них, неправедных, делается Он поражающим неисцельно. Но, щадя нас, удаляется Он от нас, чтобы оставались мы живы, а также не изрекает нам таин, чтобы мы не умерли. Приблизился Он к Аарону – и найдя его сыновей виновными, умертвил их; приблизился к народу – и истребил многих согрешивших. Поэтому, если изречет Божественное и не уверуем, то убьет всех нас. А поэтому и не изрекает, так как предвидел, что не уверуем. И так прекрас-

но делает, промышляя о том, чтобы мы не умерли.

Не дает столько разума, чтобы не угасить произволения, не сообщает большей силы, чтобы не затмить природы. Не стесняет благости, чтобы не препобеждалась она недоуменством, не творит людей ангелами, чтобы не расстроить Своей силы, не творит ангелов херувимами, чтобы не сокрушить Своего создания. Но сделал все, что могла принять сотворенная природа. Уставил чин естеств и нашел, что они, как изменяемые, имеют нужду в милосердии.

Знает же, что поддерживаются они в существовании великой благодатью, потому что природе, чтобы поддерживалась она в существовании, придал от сущности Своей, а что превосходит ее меру, то утаил от нее. Соразмерно с силой уставил чин для разума, чтобы для тварей не стать виной их превозношения, как подстрекающие детей на худое в большей мере бывают сами виновны. Бог дал тварям, что могли вместить, и извинил в том, чего не могли вместить. Ибо ни от кого не требует чего-либо сверх силы.

Поэтому вы, человеки, не обвиняйте Его могущества, что не соделало оно для природы вместимым невозможное: виной этому не Создатель, но тварность. У художника золотых изделий есть искусство, но он не хочет придать золоту чего-нибудь большего, потому что само оно не допускает этого. Так и Бог, хотя и может, однако же не простирается далее, потому что нет способного вместить Его. Дай вещество, которое бы имело в себе нечто большее, нежели золото,

и художник готов придать ему свойственную красоту. Ибо ни один художник, представляя в уме что-нибудь превосходнейшее золотого вещества, не возьмется сам собой подобным этому сделать данное вещество. И Бог, уразумев все чудеса, познал, что вещество не может быть подобной Ему природой. Все превысил богатством Своим в тварях, но чтобы получившее бытие стало не получившим бытия, этого Он и не помышлял, и не изобретал, и не делал. Если из получившего бытие произвел Он не получившее бытие, то обличает Свою собственную природу, что и она произошла, и что все сотворенное Им произвел Он по нужде, а не по премудрости Своей. Бог непостижим в могуществе Своем, о человеки! Он мог явить в тварях нечто большее, но совершил над ними только то, что было для них вместительно.

Знаю, что многие купцы могут производить торг обширнее того, сколько у себя имеют в наличности. Но что есть у них в наличности, за то вполне уважаются, хотя без труда покупают и не имея у себя в наличности денег. Если и Бог не без труда сотворил существующее, то вы, желающие возражать, вправе заключить тогда, что не может Он сотворить большего. Но хотите ли видеть, с какой несказанной легкостью творит Он? И небеса, и все, что на них, сотворил Он словом. А этим доказывается, что может Он сотворить еще многое и лучшее, но не творит, потому что тварная природа не вмещает этого.

Знаю, что художники изобретают нечто такое, чего не

имеет в себе вещество, и чем-нибудь обыкновенным, украсив то, производят приятное впечатление. Тем более несомненно, что это возможно для Бога, Который явил в существах столько благолепия. В какой мере дело прочнее слова, в такой же до бесконечности несравнимой мере сила Божия преизбыточествует перед сотворенным.

Итак, Бог все сотворил соразмерно с потребностью каждой твари и не по нужде какой изобрел разности тварей. Сотворивший природы этим самым показывает, что Он же создал и разности их, потому что последним дал доказательство в рассуждении первых. Причина стольких красот не вынужденна, иначе они окажутся делом кого-либо другого, а не Бога, потому что необходимость исключает произвол. Но Бог, как выразило Писание, *творит все, что хочет... на небесах и на земле* (Пс. 134, 6).

И если твари в удалении своем от порядка служат хвале Божией, то, конечно, зло – не причина совершенства, а бывает препятствием благочестию. А если бы зло было первоначально, то не попустило бы оно произойти добру, иначе и доброе принадлежало бы ему. Если вещество произвело беспорядок вопреки Богу, то великое заблуждение – думать, что неодушевленное может вступить в борьбу. Если в веществе деятельность есть душа беспорядка, то великое неразумие – движение при действии почитать душой, потому что ни в одном из нас то, что он делает, не есть душа.

«Да, – скажут, – деятельность вещества произошла от че-

го-либо существующего в нем». Очень недалекому уму свойственно думать, что в веществе, всегда умаляющемся и изменяющемся, есть нечто вечное. И как изменяющееся стало вечным? Поэтому *ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1, 3). Ничто, кроме Единого Бога, не было всегда. Потому-то все и имеет в Нем нужду. Ибо Он сотворил это восхотев, а не по нужде, и сотворил каждую тварь, как восхотел. Имел же собственную Свою волю, не подлежащую необходимости, и не сотворил совечных Себе тварей. Ибо если бы хотеть было для Него необходимостью, то твари были бы совечны Ему и действие было бы сообразно с хотением. Ибо действие Его было не по необходимости, иначе твари были бы совечны Ему.

И то, чтобы Ему быть покланяемым, как хотение было не что-либо страдательное. Поэтому не по необходимости установил Он поклонение Себе, так чтобы тварей для поклонения Себе сделать совечными. Ибо Он ничего не терпит, если не воздают Ему поклонения язычники, и не приходит в то или другое состояние, смотря по разности поклонений; не раздражается несовершенным поклонением иудеев, не смущается ересями, которые воздают Ему поклонение отчасти. Ибо во всяком случае Он остается не подлежащим страданию, пребывая одним и тем же, как и прежде всех тварей, так и донныне и впоследствии до беспредельности. Благость Его – причина всему, правда Его – устав всему, премудрость Его открывается в разнообразии.

Итак, то, что можем вместить мы, человеки, дает Он, щадя, как сказал я, силы наши. И поскольку предвидел, что никто из сотворенных не может вместить Его, то безначально, из сущности Своей произвел Сына и Святого Духа, – не по какой-нибудь необходимости и не по какой-либо причине, как сказали мы, говоря о Слове, – чтобы открылась полнота Божества Его, потому что родил Слово естественно, из сущности Своей, все же естество изъято от необходимости и причины; и особенно потому, что с волей соединил естество, а то и другое сопряг с благодью. Ибо благодь явила полноту, потому что Он родил Вмещающего ее существенно, и естество обнаружило достоинство, потому что Вмещающий не недостоин, как Сын, как Несозданный, и воля исключила необходимость, потому что не ради чего-либо рожден Сын, но чтобы всегда совершалась тайна вечности и чтобы не могли мы сказать, будто бы изволение о естественном рождении Сына Божия подлежало необходимости.

Дух же Святой исшел из сущности Отца не полусовершенным и не смешанным, ибо Он – не Отец иногда, а иногда Сын, но – Дух Святой, имеющий полноту благодти и исходящий во свидетельство о Божестве, какое ипостасью Своей дает Дух Святой о том, что Отец родил Сына не по страсти, не во времени, не каким-либо способом и не по какой-нибудь причине, но естеством, свободным от необходимости, потому что Отец, восхотев извести и другого Общника, – не Того, Которого родил, но Духа Святого, – явил Его из сущ-

ности Своей.

Не прежде Сына извел Духа, чтобы не сказали мы, что хотение подчинено необходимости. Не убоился человеческого о Нем сомнения, каким образом родил Бесстрастный, имея в доказательство Духа Святого, потому что, не родив, извел Его по-Своему: так и Сына родив, родил бесстрастно, по-Своему. Ибо не умалился исхождением Святого Духа, чтобы и рождение Сына не предполагали мы страстным. И если все же Духа Святого именуем после Сына, то в означение не времени, а Лица, ибо одно время и Духа, и Слова: и мы со словом изводим дыхание.

Итак, Отец не имел нужды во времени к произведению Слова и не во времени, не после Слова извел Духа Святого. Поэтому-то Божество Святой Троицы совечно. Отец и Сын и Святой Дух, хотя и три Лица, но единой сущности. Поэтому-то Святая и Единосущная Троица есть Единый Бог. А что Слово в Духе, это утверждает о нас Давид, сказав, что есть дыхание в устах наших (см.: Пс. 134, 17), и тем не подобную нашей сложность приписывает он Божеству, но показывает сближение в доказательство сказанного выше.

Итак, сколько вмещаем, столько и постигаем о Боге, и сколько можем, столько приемлем от Него. Кроме Сына и Духа Святого никто не имеет полноты Его ведения. Ибо если услышим что большее, то не поверим, и если примем что большее, то возгордимся. Потому справедливо и не говорит, и не дает Он большего.

А я для того и коснулся перед этим сказанного, чтобы показать Божий Промысл и в даянии ведения о Нем. Ибо и Сам Христос говорит: *Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, – как поверите, если буду говорить вам о небесном?* (Ин. 3, 12). Но я простираюсь далее этого слова и говорю: если не можем слышать небесного, то поверим ли чему, услышав о Божием естестве? Если иудеи, погрешившие в исполнении временных заповедей, умерли, то тем более погибнут не соблюдающие того, что слышали о Боге. И если бы смерть эта была подобна той, какой умерли иудеи! Напротив, думаю, что это – страшная смерть самой души. Да и апостол свидетельствует о том, что гораздо хуже – отвергнуться Сына Божия (см.: Евр. 10, 29).

Уразумейте, братья, что все вышесказанное написал я ради себя и с намерением предаюсь скорби, чтобы не подпасть худшей смерти. Коснулся я слова о ведении, желая показать, что погрешил я в ведении. Сказал некто в премудрости, что *сильные сильно будут истязаны* (Прем. 6, 6). Ведение есть сила Божией благодати. И я, познав Христа, по приобретении этого ведения предавался мыслям о случайном. Потому убоялся, чтобы покаяние мое не было отвергнуто, как Исавово.

Знаю, что Исав отвержен, как коснеющий в пороке. Но боюсь, чтобы мое раскаяние не было осуждено, подобно падению. Слышал я о величии Божества, и страшит меня мысль, что самое величие Божие угрожает мне таковым отвержени-

ем. Слышали вы о бесконечном множестве силы? С тем и коснулся я этого, чтобы знали вы, что угнетает меня. Слышали вы об этом море премудрости? Что же медлите пролить за меня перед Богом источники слез? Слышали вы о бесконечном утверждении правды? Почему же не предложите за меня в дар сердца своих? Знаю, что помиловал Бог многих покаявшихся, но большая часть из них грешили по неведению. Знаю, что простил Бог многих, но они имели многих перед Ним за себя предстателей.

Читаю написанное о Коре и Дафане и прихожу в ужас, – прихожу в ужас, видя, как Бог наказал их за Моисея. Рассуждаю о том, что написано о Мариам, сестре его, как она за одно слово, сказанное Моисею, вся покрылась проказой. Если постигло такое наказание за святого человека, то какое будет истязание за Вечного Бога? Каин, убивший брата, подвергается столь долговременной казни, – что же будет с оскорбившими Бога? Строг был приговор во время потопа, и боюсь, чтобы не подпасть одной участи с погибшими от потопа. Бог прогневался за построение столпа, который не мог быть совершен, – что же сделает за собственное мое падение? Придите, братия, на помощь ко мне, испрашивающему прощения, чтобы и к вам пришли на помощь святые в том, в чем угнетается каждый из вас!

Кто утверждает, что все случайно, тот отрицает бытие Божества. Так рассудил я – и не лгу; покаялся – и не знаю, умилился ли Бог. Умоляю и святых, но, может быть, не при-

емлются их молитвы. Ибо слышу Иезекиилю, который говорит, что ни Ной, ни Иов, ни Даниил не успеют в просимом ими (см.: Иез. 14, 13–20). Умоляю всех пророков, но боюсь быть отверженным с нечестивыми во Израиле, потому что Бог говорит Иеремии: *Ты же не проси за этот народ* (Иер. 7, 16).

Итак, что же? Умилостивлю ли Господа дарами? Но страшусь, чтобы и мне не сказал, как фарисеям, что прошу ради собственной своей потребности. Если буду поститься, то, может быть, скажет мне: *Таков ли тот пост, который Я избрал?* (Ис. 58, 5). Если буду милостив к бедным, то, может быть, скажет мне: *Елей же грешнаго да не намастит главы моя* (Пс. 140, 5). Если буду принимать Его священников, то, может быть, и мне скажет: «Отвержен ты за то, что назореев Моих поил вином» (см.: Ам. 2, 12). Принесу ли Ему дар? Но объемлет меня страх, что и мне скажет: *Не носите большие даров тщетных: курение отвратительно для Меня* (Ис. 1, 13). Боюсь даже пребывать и в церквях, чтобы не отлучил меня, сказав: *Кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои?* (Ис. 1, 12).

Отовсюду мне тесно теперь, братия, и обращаюсь к совести своей. Если опять буду нечестивать, горе мне! Если бесстыдно буду просить, боюсь, чтобы не подавил меня мраком. Знаю, что и Навуходоносор покаявшийся принят, но его извиняли и неведение, и владычество, а я не извиним ни с той, ни с другой стороны. Я был уже причастником благодати,

от отцов получил наставление о Христе. Родившие меня по плоти внушили мне страх Господень. Видел я соседей, живущих в благочестии, слышал о многих, пострадавших за Христа: отцы мои исповедали Его перед судьей, я – родственник мученикам, – нет никакого извинения в мое оправдание.

Если скажу об общем происхождении по плоти, то ничем не отличусь от упоминаемых блаженным Иовом. Предки мои были нищие, питавшиеся милостыней. Деда, благоденствовавшие в жизни, были земледельцами. Родители занимались тем же и состояли в незнатном родстве с городскими жителями. Поэтому в чем, в высокомерии ли или в пышности, почту себя подобным Навуходносору? Разве была у меня крепость исполина? Или по природе отличался я красотой?

Не хочу и говорить о том, что сделано мной в детстве, чтобы не возбудить в вас к себе омерзения. Еще в молодых годах произнес я обет, однако же в краткие эти годы был я злоязычен, бил, ссорил других, препирался с соседями, завидовал, к странникам был бесчеловечен, с друзьями жесток, с бедными груб, из-за маловажных дел входил в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям, даже и не во время плотского возбуждения. Но знаю, что все это отпущено мне перед Судилищем. Что же сказать о бывшем после этого, по принятии познания истины? Поэтому весьма имею нужду в вашей помощи.

Приидите ко мне на помощь, как друзья, и оплачьте меня, как мертвеца, или сжальтесь надо мной, как над живым

или полу умершим. Излейте на меня милосердие свое, как на пленника, и приложите ко мне старание, как о покрытом загнившими язвами, потому что весь я в струпях. Превосхожу я иуде ев. У них не было места для обвязания, а у меня и душа повреждена. Они от головы до ног объаты были болезнями, а у меня и все внутренности согнили. Они вовлечены в заблуждение льстецами, а меня никто не вовлекал в заблуждение.

Сам от себя измыслил я хулу на Бога, и один у меня сообщник – диавол, который омрачил мой ум. Боюсь, братия, чтобы и мне, подобно ему, не дойти до нераскаянности. Это одно у меня оправдание, что он внушил мне худое. Но это не послужило извинением Адаму. Диавол вложил мысль, а я слушаюсь его. Но Ева не избежала приговора. По этому приговору и Исав стал безответным, чтобы знали мы, что есть подобные диаволу, что все те, которых апостол наименовал *сосуды гнева* (Рим. 9, 22), разделяют одну участь с диаволом. Боюсь, чтобы и меня не поставил Бог в числе их. За пренебрежение *предал их Бог постыдным страстям* (Рим. 1, 26), потому должно страшиться, чтобы и надо мной не произнес подобного приговора.

И ныне еще много во мне нечистых помыслов, зависти, зложелательства, огорчений, самолюбия, чревоугодия, злонаравия, отвращения к нищете, укоризненности к бедным. Сам в себе я ничто – а считаю себя за нечто, принадлежу к числу худых людей – а домогаюсь приобрести себе славу свя-

тости, живу во грехах – а хочу, чтобы почитали меня праведным. Сам лжец – а на лжецов досажую, оскверняюсь мыслью – а произношу приговор на блудников, осуждаю воров – а делаю обиды бедным, воздвигаю суд на злоречивых – а сам бесчестен, кажусь чистым – тогда как весь нечист.

В церкви становлюсь на первом месте, не будучи достойным даже и последнего; требую себе чести, когда должен нести бесчестие; собираю приветствия, когда заслуживаю оплевания; вижу монахов – и принимаю величавый вид, смотрю на мирских – и делаюсь высокомерным. Перед женщинами хочу казаться любезным, перед богатыми – благочестивым, перед посторонними – надменным, перед домашними – глубокомысленным и благоразумным, перед родственниками – славным, перед благоразумными – совершеннейшим. С благочестивыми веду себя как мудрейший, а неразумных презираю, как бессловесных; если я оскорблен – мщу за это; если не оказана мне честь – отвращаюсь с ненавистью; если требуют у меня справедливого – вхожу в тяжбу, а кто говорит мне правду, тех почитаю врагами; обличаемый, изъясляю свое негодование; не видя себе лести, гневаюсь.

Не хочу трудиться, – а если кто не служит мне, сержусь на него; не хочу прийти на помощь, – а если кто мне не оказывает услуг, злословлю его, как гордеца; в нуждах не знаю брата, – а если здоров он, обращаюсь к нему; больных не терплю – а сам, будучи болен, хочу, чтобы меня любили; высших пренебрегаю – а при свидании с ними лицемерю; заочно пе-

ресуживаю – а в лицо лышу; не хочу отдать честь достойному – а сам, будучи недостойн, требую себе почестей.

Не стану говорить о тех мыслях, какие у меня на уме, и чем я затрудняюсь относительно законов, пророков, Евангелия, апостолов, церковных учителей, проповедников, священнослужителей, чтецов, экономов, епископов. Не буду описывать ежедневно придумываемых мыслей, забот о суетности, нерадения в молитве, усердия к пересудам. Если рассказывает кто басни, – мне приятно, а если заговорит о воздержании, – скучно. Не постою на месте, если читает кто Божественное Писание, а кто проводит время в совопросничестве и спорах, – тех слушаю с услаждением.

Не буду описывать притворной лести (только бы не будили меня на молитву), хождения в церковь по одному заведенному порядку, умышленных замедлений, пустословия в церковных собраниях, попечений о столе, пересудов в самом святилище, лености во время молитв, псалмопений, совершаемых только для вида, выисканных встреч, корыстных переговоров, лицемерных бесед с благочестивыми женщинами, непрестанных восклицаний, презрения к нуждающимся, неуплаты взятого взаймы, гнева на неоказавших хорошей услуги, переиначивания обещаний, вынуждения у друзей милостей как чего-то должного, ненасытности в принятии даров, участия в чужих проступках, ухищрений, не служащих ни к чему полезному, ласкательств для получения большего, разногласий, просьб, пустых припоминаний, па-

губного соперничества, бесполезных сопротивлений, непростойных свиданий.

Такова жизнь моя, братия, таковы мои недостатки! Если можете побороть во мне такое множество пороков, то справедливо поступите, сжалившись надо мной. А если вы в состоянии бороться с этими злыми страстями, но не потрудитесь защитить меня, то худо сделаете. Ежели есть у вас силы укротить такое полчище помыслов, то ужели будете смотреть на это, не вспоможествуя мне в борьбе?

Но, может быть, скажете, что о помыслах не должно входить в исследование. И почему, рассуждая о случайном, столько распространялся я? Но могу и из Божественного Писания привести вам на это доказательства. Иов приносил жертвы за детей своих, говоря: *Может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем* (Иов. 1, 5). А если бы не подлежали ответственности помыслы, то для чего бы приносить ему единого тельца за грехопадения помыслами? Осуждены и зломысленные в сонме Кореевом: поскольку имели худые помыслы, то были пожжены.

А когда слышим: *У вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф. 10, 30), то волосы на голове суть помыслы и слава есть ум, в котором заключена сила мышления. Бог соизволение на прелюбодеяние признал прелюбодеянием, и вожделение жены – самым делом, и грех – убийством, и ненависть ценит наравне с человекоубийством, ибо говорит, что *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5,

22) и всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца (1 Ин. 3, 15). Свидетельствует об ответственности нашей за помыслы и блаженный Павел, говоря, что откроет Господь *скрытое во мраке и... сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). И еще говорит он: *Мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие* в тот час (Рим. 2, 15). Итак, не говорите мне, что помыслы ничего не значат, потому что соизволение на оные признается за самое дело.

Не множество помыслов, вместе одобряемых, должны мы принимать в рассмотрение и подвергать исследованию, но то решение, по которому имеющий помыслы признал что-либо приятным ему. Земледелец сеет на земле, но не все принимается ею, – так и ум сеет в произволении, но не все одобряется. Что принято землей, на том земледелец ищет плод, – и что одобрило произволение, в том Бог требует отчета. И Спаситель сказал: *Отец Мой – Виноградарь* (Ин. 15, 1). И Павел говорит: *Вы Божия нива* (1 Кор. 3, 9). Поэтому не ввергайте меня в беззаботность, но лучше позаботьтесь обо мне и вы. И в другом месте сказано, что *слово Божие... судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4, 12). Если судить помышления, то почему же не помогаете мне в оправдании, как подлежащему ответственности?

Хотите ли познать душу и дух? Учитесь этому опять же из земледелия. Земледельцы знают свойства земных почв и, смотря по месту, такие и сеют семена, и каждый по своей земледельческой опытности различает силу каждой почвы.

И Бог наш умеет различать помыслы естественные и произвольные. Поэтому и Екклесиаст говорит: *Все – суета и томление духа* (Еккл. 1, 14), под суетой разумея естество, а под томлением – дело противоестественное. Поэтому говорит: что от суетства, то минует, а что от деятельности, то *за все это Бог приведет тебя на суд* (Еккл. 11, 9). И апостол людей, поступающих естественно, назвал душевными, а поступающих противоестественно – плотскими; духовные же суть те, которые и естество преобразуют в дух.

Ибо Делатель Бог знает и природу, и произволение, и силы каждого, и всевает слово Свое, и требует дел по мере сил наших; не уступает над Собой преимущества земледельцам, которые на всякой почве сеют приличные ей семена, – лучше же сказать, сверхъестественно и несравненно превосходит их, проникая в душу и дух, в естество и произволение. И если человек довольствуется естественным, то Бог не взыскивает, потому что определил меру естества и положил ему закон для самостоятельного бытия. Но если произволение одолевается естеством, то взыскивает за ненасытность и за нарушение устава Божия. Так, братия, соизволение ценится как самое дело, потому что основа делу полагается произволением. И Господь сказал, что соизволение на помыслы *оскверняет человека* (Мф. 15, 19), ибо известно Ему, что в теле действует душа.

Но могу представить вам на это примеры и из закона, а именно: нечистый, если прикоснется к чистому, оскверня-

ет это, и оно, по этому случаю, имеет нужду в очищении (см.: Чис. 19, 22). А блуд, и зависть, и несправедливость естественным образом нечисты. Итак, если делаешь зло, то оскверняешь и других, если же помыслами соглашаешься на дело, то оскверняешься самой нечистотой.

Заметь: не сказано, что осквернившийся оскверняет другого, но все, чего коснется осквернившийся, оскверняется от него. Та же разность и у нас. Если впал кто в блуд или если кто соблазняет или служит худым примером, то многих делает нечистыми, а если впадет в одни помыслы, то других не оскверняет, потому что они не видят, но сам оскверняется и подпадает суду. Поэтому чем же разнится суд над тем и другим? Многим, именно: сделавший принимает участие во всех соблазнившихся и подражавших, а помысливший даст ответ за себя одного. И язычники одинаково осуждают и сделавших преступление, и знавших о нем. Ибо познается из этого согласие содействовать.

Закон представляет и другой пример в зданиях и камнях. Сказано: если войдет священник и увидит проказу в доме, то все, что в доме, нечисто (см.: Лев. 14, 32). Итак, по моему мнению, священник есть закон и ведение. Поэтому, если кто стал грешен до ведения закона, то не подвергается ответственности за других, потому что не с ведением делал; впрочем, поскольку это нечисто, то сам до гнусности осквернен отпечатками нечистоты.

Но предложенное умозрение имеет и другую силу. Ибо

смело должен я рассказать вам о себе все: пусть вы будете знать, что я виновен во многих грехах. Не осквернившиеся еще самым делом, но бывающие скверными по сообществу скверны и в том случае, когда, давая согласие, не знают, что делают. Поэтому, если вскоре устранятся и прекратят общение, то не отвечают за свое согласие, потому что и закон судит не мимо идущих свидетелей дела, но добровольно бывших при оном.

Итак, когда закон и наш учитель, скажу так, – то есть постигший суд, находят кого-либо по собственной воле имевшим связь с совершившим преступление, тогда признают его виновным. И апостол умел пользоваться подобными законами, ибо говорит: *Достойны смерти... не только сами делают злое, но и одобряют их* (Рим. 1, 32). А по мне, сверх сказанного служит доказательством и обличение упомянутого в начале этого слова, а именно, что свидетели худых дел, поскольку сами не сделали ничего достойного смерти, освобождены, все же виновные подвергнуты наказанию.

Итак, никто из вас да не утешает меня тем, что мысленное соизволение ничего не значит, – напротив, выслушав несомненную истину, пусть лучше потрудится со мной в молитвах. Ибо и это самое: что говорю и не исправляюсь, уже есть грех. Священное Писание говорит: *Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех* (Иак. 4, 17). И если обличаемый не чувствует стыда, то этим подвергается страшному наказанию, потому что раздражает наставника. Хотя сам се-

бя обличаю, однако же пребываю в грехах и, исповедуя грехи, не перестаю грешить. Зная, что это одно содействует к оправданию, видя – не вижу, потому что, принеся покаяние, опять грешу.

Не переменяю суда своего о сделанном мною, но противоречу своему покаянию, потому что я, как раб греха, и не желая, делаю злое и, как вписанный в военную службу, подчиняюсь греху; хотя и не в состоянии, однако же плачу ему оброк по навыку, царствующему в уме моем. Стараясь об угождении страстям, беру жалованье с плоти. Знаю, что допускаю в себя растление, но, когда прикажут это, делаю. Избегаю будущей скорби и, как пес на привязи, обращаюсь к тому, кто дает мне приказание. Ненавижу грех, но пребываю в страсти; отказываюсь от беззакония, но, не желая, покоряюсь удовольствию.

Поработил я природу свою греху, и он, купив мое произволение, производит для меня необходимость. Рекой льются на меня страсти, потому что соединил я ум свой с плотью и разлучение невозможно. Спешу изменить свое произволение, а предшествующее состояние противится мне в этом. Тороплюсь освободить душу свою, но стесняет меня множество долгов.

Диавол, злой заимодавец, не напоминает об отдаче; ссужает щедро, никак не хочет брать назад. Домогается только порабощения, а о долге не спорит; дает в долг, чтобы богатели мы страстями, и данного не взыскивает. Я хочу отдать,

а он к прежнему еще прибавляет. Когда же принуждаю его взять, дает что-нибудь другое, чтобы видно было, что уплачиваю ему из его же ссуды. Обременяет меня новыми долгами, потому что прежние страсти истребляет другими, дотоле небывалыми. Старое, кажется, уплачено, а он вовлекает меня в новые обязательства страстей. Видит, что непрерывным пребыванием в долгу удостоверяет меня в том, что я грешен, и вводит в меня новые пожелания. Заставляет меня умалчивать о страстях и не исповедоваться и убеждает стремиться к новым страстям, как безвредным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.